

УДК 111

**Константин Николаевич
Любу́тин**

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук
г. Екатеринбург
(343) 358-18-19 enia@uralmail.com

**Петр Николаевич
Кондрашов**

кандидат философских наук,
преподаватель Верхнесалдинского
авиаметаллургического техникума
г. Верхняя Салда
(34345) 4-77-48
evgeniy.kondrashov@vsmpo.ru

ЛОГИКА ОТЧУЖДЕНИЯ И ЛОГИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются различные формы предметного, социального и экзистенциального отчуждения, которые существуют в современном капиталистическом обществе и фундируются в частной собственности на средства производства, а также возможные пути преодоления, снятия этих форм отчуждения.

Отчуждение, частная собственность, овеществление, товарный и виртуальный фетишизм, иллюзия, преодоление отчуждения.

Тема отчуждения, его развертывания и путей преодоления – одна из центральных в левой критике капиталистического (или, как сейчас принято выражаться, *либерального*¹) общества. Анализ отчуждения неотделим от разработки путей его преодоления. В XIX в. в социалистической традиции было разработано общее учение о социальном отчуждении (Л. Фейербах, П.-Ж. Прудон, М. Штирнер), эмпирический анализ различных форм которого проделал К. Маркс. В XX столетии были предприняты серьезные исследования новых разновидностей этого феномена, порожденных изменившимися условиями. Но все эти исследования рассматривали отчуждение в его частных, односторонних ракурсах, а потому и средства его упразднения предлагались также односторонние. Так, В. Ленин, видя в отчуждении больше экономический и политический феномен, рассматривал вполне достаточным для его преодоления отмену частной собственности, экспроприацию экспроприаторов и введение непосредствен-

---

¹ Уже в самом этом словоупотреблении имеет место своеобразное отчуждение, в свое время замеченное Г. Маркузе: разного рода эвфемизмы за своей словесной формой скрывают критический заряд, протест, который несут в себе не-эвфемистические понятия (например *эксплуататор/капиталист/буржуа* – критические, а *владелец активов/основной акционер* – уже политически нейтральные понятия).

ной демократии в лице Советов. Или представители франкфуртской школы, ориентируясь на анализ и критику культурного отчуждения, в качестве основного метода борьбы с ним предлагали развивать *критическое мышление*. Та же ситуация наблюдается и в правом лагере: М. Хайдеггер для борьбы с обезличенностью усредненной посредственности [*das Man*] предлагает всего лишь необходимость возвращения к подлинному мышлению о бытии.

В предлагаемой статье мы в самых общих чертах попытаемся показать, что все формы и разновидности отчуждения разворачиваются из одного источника и что это разворачивание имеет свою логику, в силу чего и методы его устранения должны «повторять» имманентную логику движения отчуждения.

Как нам представляется, понять феномен социального отчуждения в его системной логике можно только на основе марксовской антропологической концепции, согласно которой способом человеческого бытия является практическая деятельность («производство»), а сам человек представляет собой *деятельностное единство субъекта*, обладающего индивидуальным телом и духом, и *предметного мира*, находящегося вне этого тела/духа. Именно деятельность, разворачивающаяся на определенном, исторически меняющемся предметном базисе, составляет человеческое существование, обладающее конкретно-историческими характеристиками, детерминированными способом бытия – производством (в самом широком смысле этого слова).

Основой капиталистического способа производства, а значит и *капиталистического способа человеческого бытия*, является частная собственность небольшой группы населения на *все* средства производства, кроме рабочей силы, принадлежащей оставшемуся большинству. Эта основа детерминирует особые, специфичные только для себя характеристики человеческого бытия. Наиболее существенной такой характеристикой является феномен *отчуждения*¹, под которым мы понимаем социальный процесс, в ходе которого материальные и духовные продукты человеческой деятельности, сама человеческая деятельность и отношения между людьми, возникающие в результате осуществления этой деятельности, превращаются в независимые от самих индивидов и враждебные им силы. Таким образом, происходит *разрыв* между субъектной и объектной сторонами общественного индивида, а значит и между индивидами в рамках социального субъекта, разрыв, который переживается как страдание, чувство зависимости, одиночество и т.д.

Внутренняя сила движения капитала состоит в получении прибавочной стоимости. Но капитал стремится не просто к получению при-

---

¹ Мы здесь не касаемся общегосударственной (социалистической) формы товарно-денежного производства, которое, разумеется, также детерминирует наличие определенных форм отчуждения, которые не всегда совпадают с формами, порожденными капитализмом.

были, а к ее постоянному росту. Поэтому имманентная логика развертывания капитала неумолимо ведет его к своему пространственному расширению. Сначала капитал в лице отдельного капиталиста овладевает одной мастерской средневекового мастера, затем – мастерскими других мастеров в этом районе, далее капитал в лице уже многих капиталистов охватывает одну за другой отрасли хозяйства вплоть до полного овладения экономикой государства. Параллельно с этим процессом образования внутреннего рынка для капиталистического производства происходит развитие капитализма «внешнего»: капитал выходит за национальные границы и постепенно втягивает в свои сети весь мир, даже его не-капиталистические районы. Сначала это обнаруживает себя в борьбе национальных промышленно-финансовых групп, сросшихся с политической элитой, за международные рынки, то есть в виде простого колониализма; позже это – *империализм* как борьба за раздел и передел мира крупнейшими капиталистическими державами; сегодня – это *глобализация*, разделяющая мир на богатый «Север» и нищий эксплуатируемый «Юг» (С. Амин), на «центр» и «периферию» в рамках единой капиталистической миросистемы (И. Валлерстайн) [4]. Глобальный капитализм – это *интелехия* капитала как такового¹.

Объекты капиталистической эксплуатации постоянно растут: от отдельных работников отдельной мастерской до граждан отдельных государств и населения периферии и полупериферии капиталистической миросистемы. Меняются и эксплуататоры: отдельного хозяина, который работает еще вместе со своими рабочими, сменяет фабрикант и связанный с ним класс капиталистов национального государства; последнего сменяет капиталист-империалист, совокупно эксплуатирующий рабочий класс капиталистических стран. Сегодня это уже не только «глобальные» капиталисты транснациональных корпораций (которые, тем не менее, играют ведущую роль в процессе мировой эксплуатации), но и все население стран «золотого миллиарда», прямо или косвенно участвующее в эксплуатации остального населения Земли².

¹ «Капитал должен следовать своим курсом и логикой развития: он должен был охватить всю планету» [12, с. 118]. Ср.: «Маркс (скорее, Маркс «Экономических рукописей 1857–1859 годов», чем Маркс ликующих пассажиров «Капитала») неустанно подчеркивал значение мирового рынка в качестве последнего горизонта капитализма и замечал не только то, что социалистическая революция должна произойти в странах с высоким уровнем производства и наиболее развитой экономикой, а не в странах с зачаточной модернизацией, но и то, что она должна быть мировой» [5, с. 210].

² В этом отношении в современных условиях возникает своеобразная диалектика понятий «эксплуататор» и «эксплуатируемый». Например, капиталист из Эфиопии является эксплуататором по отношению к своим эфиопским рабочим. Но европейский рабочий – это и эксплуатируемый со стороны своего европейского капиталиста, но и эксплуататор эфиопских капиталистов и рабочих как житель «центра», выкачивающего прибыль из Эфиопии, то есть обирающего одновременно и капиталистов, и рабочих периферии (в данном примере – Эфиопии).

Капитализм является динамичным саморасширяющимся обществом. Но несмотря на все свои, казалось бы, радикальные изменения, которые он претерпел с XVI в., он остается *внутренне единой системой*. Основой этого единства выступает *стремление к получению возрастающей прибыли* на основе тотального товарно-денежного производства. В силу же того, что капитализм представляет собой исторически меняющуюся тотальность, то и *отчуждение* в этом процессе исторического изменения постоянно порождает самые разнообразные формы. Рассмотрим более подробно имманентную логику развертывания этого феномена.

В условиях частной собственности на средства производства, при которой все необходимые условия производства *не принадлежат* рабочему, *продукт труда* также оказывается не принадлежащим рабочему. Предмет начинает не просто существовать вне рабочего в качестве некоторой предметности, но и начинает *противостоять* рабочему, становится для него *чуждым, враждебным [fremd]*.

Отчуждение здесь обнаруживает себя в двух моментах. С одной стороны, рабочий (как *класс*) отныне *зависит* от этого продукта, так как *вынужден* его *покупать*, чтобы поддерживать свое наличное физическое существование. Но купить этот предмет (*произведенный им самим*) рабочий может только снова и снова включаясь в наемный процесс производства. Человеческая «жизнь оказывается лишь *средством к жизни*» [9, с. 565].

С другой стороны, в предмете отчуждается не только вещьность предмета, не только *природа*, данная в его (продукта) субстанциональности, но и *человеческая субъективность*, вложенная в него в процессе труда. В силу же того, что в предметном мире, с точки зрения Маркса, находит свое воплощение человечность и социальность человека, то вместе с предметом от рабочего отчуждается и его *деятельность*. Феноменологически отчуждение деятельности дано в *отношение человека к процессу своего вынужденного труда*: «если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки – самое жестокое, самое унижительное мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно!» [15, с. 351]. От такой работы бегут как от чумы (К. Маркс).

Продукт труда, вместо того чтобы доставлять человеку – своему создателю – *наслаждение*, приносит ему страдание. Но это предметное отчуждение [*Entau?erung*] – только фундамент, на основе которого разворачиваются другие формы отчуждения. Вместе с предметом от рабочего отчуждается и *природа*, являющаяся неорганическим телом человека и материальным субстратом предметного мира, производимого рабочим: «отношение рабочего к *продукту труда*... есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему

миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему» [9, с. 564].

Если в XIX – начале XX в. еще не стояла экологическая проблема, то сегодня она уже налицо. «Маркс в какой-то степени уже сознавал “проблему экологии”, то есть экологические проблемы при власти капитала и скрытые в них опасности для выживания человечества. Фактически он был первым, кто осмыслил эту проблему. Он заговорил об экологическом загрязнении, и он настойчиво утверждал, что логику капитала, преследующую прибыль, не заботят ни человеческие ценности, ни даже выживание человечества» [12, с. 130]. Ни древность, ни средневековье не приводили к глобальным кризисам и глобальным проблемам, ибо «глобальность» есть результат движения капитала к мировому господству: мировой рынок, а вместе с ним и всемирная история, глобализм, возникают только в эпоху капитализма.

Предметное и деятельное отчуждение, фундированное в частной собственности, пронизывает все социальные структуры и отношения (а не только структуры экономического порядка), так как способы отношения-к-вещам в процессе совместной предметной деятельности репрезентируются в способах отношений *между людьми*, то есть из структур предметного отчуждения с необходимостью конституируется отчуждение *социальное*, которое высвечивает себя в классовой, внутриклассовой и межличностной вражде. Отношения капиталистической конкуренции пропитывают все тело буржуазного общества: между собой на выживание конкурируют не только капиталисты, не только рабочие, но и школьники в школе, дети во дворе. Возникает не просто классово-экономическое отчуждение, но и *межчеловеческое* отчуждение в смысле *bellum omnium contra omnes*.

В силу того, что бытие человека протекает в его непосредственно данной повседневности присутствия, то и отчуждение, порождённое принудительным, бессмысленным и обезображивающим трудом, межчеловеческой конкуренцией и враждой реализуется не в «высших» сферах, а в *обыденной* жизни. Люди больше не доверяют друг другу, замыкаются в узком кругу «своих» и тем самым разрывают ткань *человеческой социальности*. Буржуазный мир *атомизируется* в смысле замнутости-в-себе, в смысле тотального эгоизма. Атомизация социального мира общественных отношений достигает своего пика в *деньгах*. В силу же того, что *человеческое* есть одновременно и *социальное*, данное в предметной и духовной связи *индивидов*, то разрывание этой связи всегда означает *бесчеловечность* [*Unmenschlichkeit*]. *Деньги* же в своей всеобщей тотальности, порожденные товарным производством, наиболее полно выражают этот процесс обезчеловечивания и его результат – *взаимную равнодушность*: всеобщая анонимность (*das Man*) с необходимостью приводит к безразличной чуждости (*Entfremdung*), отношению,

означающему межличностную разобщенность, всеобщую оторванность индивида от себя и от других.

На основе социального отчуждения, данного в частной собственности и разделении труда, путем социальной практики формируются различные виды *духовного* отчуждения, названные К. Марксом *товарным фетишизмом*. Его сущность сводится к тому, что отношения между людьми, выраженные в движении денег и товаров, *замещаются* в непосредственном восприятии товарными отношениями: возникают *иллюзии* того, что миром «правят деньги», рынок сам себя регулирует, самое главное в экономике не производство, а монетарная политика и т.д.

Происходит *превращение* всех явлений и отношений в нечто иное, чем они являются сами по себе, *искажение* и *извращение* в сознании людей их реальных жизненных отношений, что, с точки зрения Маркса, также является *отчуждением*. Так, например, экономика все больше и больше начинает приобретать внешние черты «виртуального» феномена, так как многие ее параметры сегодня при поверхностном взгляде кажутся тотально зависимыми от биржевых спекуляций и игр на финансовых площадках. Эти явления «виртуализации» экономики, в свою очередь, отражаются в головах интеллектуалов в виде идеи о «смерти экономики», означающей, что «экономика при этом оказывается просто-напросто упраздненной, как эпифеномен, побежденный своим собственным подобием и высшей логикой» [2, с. 52]. Но это всего лишь *иллюзия*, так как спекулятивная «виртуальность» экономики невозможна без того, чем спекулируют, то есть без производства. Если сидеть дома и смотреть только телевизор, то в голове рано или поздно действительно сформируется иллюзия, согласно которой весь мир – это чистая виртуальность.

В этом феномене мы видим сразу две формы отчуждения/извращения: во-первых, производство действительно отчуждает от себя функцию своего регулирования; во-вторых, это извращенное положение дел отражается в сознании как превращенная форма, но уже не в виде товарного фетишизма, а в виде *виртуального фетишизма*. Но при этом последняя является не менее ложной и иллюзорной, чем первая, как это продемонстрировал Ж. Бодрийяр в своей теории гиперреальности.

Другая форма современного фетишизма, а значит и отчуждения, – *дискурсивный фетишизм*, суть которого кратко можно представить как попытку насаждения атлантического (американо-европейского) дискурса всему остальному миру. При этом *различия*, существующие между культурами, стираются. Европейскому политику или бизнесмену *действительно кажется*, что он несет свободу и демократию арабам, индийцам, чилийцам и перуанцам. Но это – идеологическая видимость, за которой стоит простое (пусть даже большинством переживаемое как бессознательное) желание втянуть другие культуры в капиталистический рынок и превратить их в по-

требителей европейских товаров. Страсть к наживе – эта глубочайшая движущая сила капитализма, к сожалению, никуда не исчезает, она всего лишь принимает иные формы. Современный буржуа из Франции или Бельгии считает европейские ценности «лучшими» в мире, наиболее «гуманными», а значит и «универсальными», «общечеловеческими». Он видит мир *как буржуа*, и мир, соответственно, представляется ему миром *буржуазным*. *Иное* не укладывается в структуры его одномерного дискурса. Но этот буржуа уже не видит за маской «гуманизма» экономических и империалистических детерминаций, которые заставляют его на выборах голосовать за Буша или Саркози, которые «несут демократию и счастье» в другие страны, пусть даже путем войны. Буржуазному же ученому такая ситуация представляется не экономическим империализмом, а всего лишь «столкновением цивилизаций», борьбой дискурсов (христианского и мусульманского, демократического и авторитарно-тоталитарного и т.д.). Насколько надо быть ослепленным идеологией, чтобы не видеть тех экономических и геополитических выгод, которые стоят по ту сторону «экспорта демократии», или считать, что в современном мире («Империи») уже нет места империализму, так как в транснациональной системе капитала центр находится нигде и везде одновременно [см.: 22]!

Если для капиталистического общества XIX – начала XX в. был характерен только товарный фетишизм, в котором вещи надевались магическим смыслом, то в современных условиях возникает *потребительский фетишизм*, суть которого состоит в том, что он фетишизирует не субстанциональность товара, не его свойство удовлетворять конкретную потребность, а всеобщую полезность товаров, независимо от их собственно потребительных свойств. Ж. Бодрийяр говорит, что происходит фетишизация не означаемых, а означающих [см.: 17]: сегодня пьют *не пиво*, а «Клинское», сегодня смотрят *не кино*, а *раскрученные блокбастеры* или *Тарантино*. Знак подменяет субстанцию товара, его действительную полезность: «бренд» костюма или мода оказываются более важными, чем удобство этого костюма для действительной носки. Сегодня у вас спросят не «Как костюмчик сидит?», а «Вам лучше Gucci или Cardin?» Удовольствие доставляет не предмет (что предполагало бы *человечность*), а обладание престижностью марки этого товара. Фетишизируется не товар, а его потребление, из которого выпотрошены все потребительные свойства.

Фетишизм всевозможных предметов потребления и их новинок обнаруживает себя в феномене *шопинга*, для которого важно не то, *что* покупается, а то, что оно вообще *покупается*. Интерес с полезных свойств товаров переносится на сам процесс покупки. Думается, что в этом проявляется стремление современного индивида *властвовать над вещами* посредством обладания ними. Так реаль-

ное бессилие перед миром отчужденной предметности замещается иллюзией «владения».

Шопинг как форма массового отчуждения был невозможен во времена Маркса, ибо его появление требует достаточно высокого уровня материального благосостояния, который способен породить *общество тотального потребления*. Только условия жизни «золотого миллиарда» превращают потребление в труд «по расширенному воспроизводству потребительной стоимости как абстракции, как системы, как универсального кода полезности, точно так же как производство является в своей действительной телеологии не производством “конкретных” благ, а расширенным воспроизводством всей системы меновой стоимости» [14, § 2]. В обществах периферии шопинга нет. Для нищеты еда существует не в виде «знака» или «симулякра», а в виде конкретной потребительной стоимости – хлеба, которым можно удовлетворить не «символический обмен», а конкретную жизненную потребность – голод.

Тотальность товарно-денежного оборота интериоризируется и в сознании индивидов буржуазного общества: мир предметов и мир человеческих отношений начинает рассматриваться сквозь призму меновых стоимостей, то есть чисто в поверхностно количественном масштабе купли-продажи. Утилитарное отношение к человеку, детерминированное условиями *тотального* товарно-денежного механизма, проявляется даже в *повседневном дискурсе*: «дух торгашества [Schachergeist] пропитал весь язык, все отношения выражаются в торговых терминах, в экономических понятиях. Спрос и предложение, supply and demand, – такова формула, в которую логика англичанина укладывает всю человеческую жизнь» [15, с. 497-498]. Законы рынка становятся привычными для всех, следовательно, возникает иллюзорное представление о том, что законы торговли суть законы природы, а следовательно, законы самого бога [20, р. 32]. Слова и поверхностная видимость вещей становятся слитными, означающее и означаемое отныне нераздельны в их идентификационной «самоочевидности», а потому в таком сознании «не может быть никакого “истинного содержания”, требующего своего “обнаружения” путем “декодирования”, открывающего “неочевидные смыслы”. В языке доминирующего культурного кода нет слов для критики статус-кво. Человек может испытывать смутное недовольство социальным устройством, системой власти, но не сможет адекватно его выразить на рациональном уровне в связи с отсутствием критических языковых средств» [11, с. 202].

Различные формы общественного сознания и праксиса лишаются своих сущностных атрибутов и функций, втягиваясь в структуры движения капитала. Так, религия – это сердце бессердечного мира, по словам Маркса, превращается в простой бизнес вроде освящения новых автомобилей или офисов. Вера в Бога – один из самых интимнейших феноменов нашей душевной жизни – выносит-

ся на витрины всеобщего обозрения и предается проституированию на улицах. Искусство также становится *иным*, так как не выражает в художественной форме человеческое отношение к миру, а превращается в простое буржуазное *зарабатывание денег*, то есть в обычное капиталистическое производство наряду с другими видами производства (колбасы, гвоздей, цемента, образовательных услуг). Лучшим сегодня считается не тот фильм, который является лучшим в художественном отношении, а тот, который является наиболее «кассовым».

Образование, идеальная [*ideale*] цель которого состоит в формировании всесторонне развитой личности, сегодня превращается в инструмент корпораций по поставке им *узких специалистов*, то есть профессионально подготовленных работников. «Люди – только рабочая сила, которую нужно принудить к определенной деятельности, блокируя всякую возможность иной (то есть формируя то, что Маркс называет “профессиональным идиотизмом”, а в XX в. Г. Маркузе вежливо определил как “одномерность человека”» [1, с. 241]. Против этой идеальной цели образования (всесторонне развитого человека, обладающего всеми добродетелями), сформулированной классической древностью и Просвещением, сегодня выступают все «постмодернисты», так как считают дискурс Просвещения («модерновый проект») преодоленным в постсовременности. Но *объективно* все эти рассуждения об ущербности Просвещения оказываются сознательной или бессознательной интеллектуальной апологией одномерного мышления и одномерного мира. Это на руку буржуазным политикам, которым нужна управляемая демократия над одномерным «множеством» [*Multitude*], которое формируется и транслируется современной репрессивной системой образования. Массовые средства информации только успешно «накладываются» на уже подготовленную школой почву: сегодняшнему школьнику с экранов телевизоров пример подают не Н. Дроздов или Незнайка, который хочет все знать, а семейство Букиных, в котором уровень развития родителей ничем не отличается от уровня развития детей.

И, наконец, все эти формы отчуждения завершаются в отчуждении *экзистенциальном*, которое обнаруживает себя в человеческом самоотчуждении, когда человеческое существо чувствует себя *товаром*, *мертвой вещью*, когда человек становится *животным* в своем унижении, *обесценении*, в своей *самоутрате*, то есть в своей *бесчеловечности*. Правда, в XIX в. капиталисты обладали *видимостью* человечности своего существования, а сегодня такой видимостью обладает «золотой миллиард». Но видимость дает себя знать в том, что за *внешним* благополучием и богатством скрывается *внутреннее*, *экзистенциальное* одиночество, тоска, духовная опустошенность и усталость. Именно их пытаются «развеять» шопингом, фитнесом, вечеринками, проститутками, рулеткой, казино, личным психоаналитиком, групповым сексом или экстремальным спортом.

Безличное функционирование товарно-денежного механизма, выбрасывающего качественные характеристики предметов, в сфере душевной жизни ведет к деградации интимного мира собственной подлинности [*Eigenwelt*] и мира межличностного со-бытия с другими [*Mitwelt*] и конституированию чистого бытия в соответствии с биологически заданными формами человеческого поведения [*Umwelt*]: удовлетворение физиологических потребностей становится единственной смыслообразующей деятельностью в жизни. Такова внешняя рациональность отчужденного бытия. Но даже в условиях тотальной неподлинности человеческое существо *переживает* свою неаутентичность в виде одиночества, тревоги и деперсонализации.

Социальные условия отчужденного бытия детерминируют и особые душевные переживания, выражающиеся в различных психических заболеваниях. Интересно, что именно в буржуазном обществе появился интерес к душевным болезням. Более того, согласно многим авторам, имеется сущностная взаимосвязь между структурами общественного праксиса и этиологией психических патологий.

В конце концов отчуждаются даже сами чувства и эмоции: «Наконец пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое [*unverau?erlich*], сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым [*verau?ert*]. Это – время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т.д., – когда все, наконец, стало предметом торговли» [8, с. 73-74]. Капитализм вышел «за пределы производственных отношений и политических антагонизмов... и представил весь мир во всем его многообразии по своему образу и подобию» [3, с. 18].

Мы видим, как шаг за шагом, имманентная логика саморазвертывания частной собственности идет от экономического отсвоения продукта труда в движении капитала к социальному отчуждению, а от последнего – к отчуждению духовному и экзистенциальному, в котором феномен *Entfremdung* достигает тотальной завершенности.

Этот краткий поверхностный анализ различных форм отчуждения показывает по крайней мере следующие моменты.

Во-первых, видно, что современное отчуждение радикально отличается от той его формы, которое описывал Маркс и другие социалисты в XIX в. Отчуждение радикализовалось и стало глобальным, втянув в себя индивидов не только собственно капиталистического мира, но и всю планету. Произошла тотальная диверсификация и экстраполяция капиталистического способа производства. Отчуждение приобрело планетарные масштабы, например в виде глобальных проблем. Это означает, что те методы борьбы с отчуждением, которые предлагались в XIX – начале XX в., сегодня оказываются совершенно недостаточными, а в некоторых случаях даже реакционными. Уничтожить экзистенциальную самоутрату путем экс-

проприации экспроприаторов или насильственной революции сегодня уже, к сожалению, невозможно.

Во-вторых, отчужденные структуры бытия репрезентировались и осели в общественном и индивидуальном сознании в качестве их имманентных структур. Но мы знаем, что «сознание запаздывает», отстает от бытия: изменение *только* бытийных структур современного мира капитала не приведет к непосредственному и немедленному искоренению отчужденных и репрессивных структур из человеческой психики. Такое вообще было в массовом порядке невозможно и раньше, но сегодняшняя атомизация множества (А. Негри, М. Хардт) [см.: 23], в отличие от сплоченных, спаянных групп (В.И. Ленин, Ж.-П. Сартр) прошлого, делает такую невозможность тотальной.

В-третьих, борьба с отчуждением сегодня может носить только комплексный характер, в котором охватываются все виды этого феномена в их сущности. Это означает, что подобно тому, как отчуждение разворачивается из своего фундамента в различные формы, точно так же и должны разворачиваться и различные способы преодоления отчуждения. Здесь мы можем только в самых общих чертах указать на эти пути.

Несомненно, что основой *всякого* отчуждения является отчуждение *экономическое*. Все остальные разворачиваются из него. Поэтому и основа уничтожения отчуждения может быть только уничтожением его фундамента – частной собственности на средства производства¹. Как показала практика построения «социалистических» обществ, тотальная национализация (огосударствление) не является тем, что Маркс называл «положительным упразднением частной собственности» [см.: 9, с. 588; 7, с. 773]. Напротив, подобные практики, как правило, приводили к появлению других форм отчуждения в лице бюрократического или партийного аппарата, отчуждения всех работников от средств производства, от управления производственным процессом и т.д. Экономические механизмы упразднения частной собственности должны преследовать одну единственную цель: продукт труда должен не противостоять человеку, а, выражая его субъективность, служить ему.

Второе важнейшее условие состоит в том, чтобы человеческая деятельность приносила индивиду *удовольствие*. Необходимо создать условия, позволяющие соединить труд и наслаждение, ибо только такая ситуация может быть названа подлинно человеческой, что, с точки зрения К. Маркса, представляет собой путь к *уничтожению труда* [*Aufhebung der Arbeit*]. В силу того, что *труд* как *ра-*

¹ Надо четко различать по крайней мере два вида частной собственности: «Политическая экономия принципиально смешивает два очень различных рода частной собственности, из которых один основывается на собственном труде производителя, другой – на эксплуатации чужого труда. Она забывает, что последний не только составляет прямую противоположность первого, но и вырастает лишь на его могиле» [7, с. 774].

*боту*¹ уничтожить невозможно, задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, посредством радикальной автоматизации сократить рабочее время каждого индивида, а с другой – посредством гуманистической организации труда сделать прохождение этого *необходимого* рабочего времени как можно творчески и человечески насыщеннее. Это предполагает не только уничтожение частной собственности в ее буржуазном смысле, но и радикальную реорганизацию всех производственных отношений как в «экономике» в целом, так и на *каждом конкретном* предприятии.

В современном капиталистическом производстве имманентно назрела необходимость подобных реформ, и они частично реализуются во многих современных *буржуазных* практиках менеджмента и мотивации, которые пытаются реализовать эти идеи не выходя за рамки капиталистического порядка. Они создают своеобразный *иллюзорный мир [Frieden]* между хозяевами и работниками, основанный на представлении сугубо личных целей капиталиста (получение прибыли) в качестве целей всей организации, всех ее работников и даже всего общества в целом. Работника, естественно, материально удовлетворяют посредством повышения заработной платы, но рано или поздно чувство удовлетворения, основанное на скрытом антагонизме, выходит наружу и выступает в форме апатии, тревоги, немотивированной агрессии, стресса, невротических состояний.

Гуманизация производственных отношений детерминирует необходимость гуманизации всех иных социальных отношений и в первую очередь повседневного быта индивидов. Более того, как показали исследования и практика таких марксистских исследователей как М. Тронти, С. Болонья, Г. Кливер, Д. Холловэй, С. Райт, Н. Витгофель, новый способ производства и новые производственные отношения конституируются на конкретных предприятиях и в конкретных подручных трудовых операциях работников. Поэтому именно изменения в структурах повседневности (на работе и в быту) должны непосредственно конституировать человечность «на местах» даже в рамках еще господствующей бесчеловечности. Ситуационисты (G. Debord, R. Vaneigem) считали, что революцию нельзя планировать: «ожидание счастливого завтра есть то, что убивает наше счастливое сегодня» [25, ch. 22], поэтому надо преобразовывать мир прямо сейчас, непосредственно на конкретных рабочих местах, в университетских аудиториях, в своем домашнем быту.

Механическая рациональность, господствующая в духовной жизни буржуазного общества, выявленная теоретиками Франкфуртской школы и экзистенциалистами, для своего преодоления предполагает переориентацию человека на сугубо личностное мировосприятие и адекватный ему образ жизни. Согласно К. Ясперсу, преодоление отчуждения состоит в развитии коммуникации, в интимном

---

¹ О различии этих понятий в марксистском дискурсе см. [13].

общении, в воспитании в себе способности к «дискуссии». Отсюда – необходимость экзистенциальной психотерапии и гуманистически ориентированной массовой социальной работы. Но при этом должно быть четкое осознание радикальной ограниченности этой работы, если она реализуется вне комплексной связи с экономическими преобразованиями социального праксиса. Именно так это происходит сегодня: психоаналитик и психотерапевт лечат индивида, который затем вынужден вернуться в общество, которое сделало его *больным*¹. В результате такого лечения индивид встраивается в репрессивные структуры status quo и его болезнь становится «нормой», превращая его мучительную истерию в «ежедневное счастье». В силу этого индивидуальная терапия должна идти рука об руку с терапией социальной: лечение индивида должно сопровождаться лечением общества.

Преодоление духовного отчуждения предполагает радикальное преобразование всей системы дошкольного, школьного и высшего образования, через которое сегодня транслируется дискурс господствующего класса. Соответственно, его нормы интериоризируются молодым поколением, сознание которого переформируется и становится одномерным. Как показал А. Грамши, именно через систему образования господствующий класс обеспечивает свою культурную гегемонию [см.: 5].

В современной общественной мысли идеи А. Грамши о повседневных интернализациях господствующей идеологии через систему образования развивают интеллектуалы, сгруппировавшиеся вокруг *Journal for Critical Education Policy Studies* (Великобритания), который ориентируется на *практическое изменение* механизмов преподавания в школах, в которых обучаются дети рабочих, эмигрантов, национальные меньшинства и т.д. При этом подход авторов и практиков ориентирован в первую очередь на изменение *повседневных* структур в рамках образовательного процесса, изменений, которые бы позволили сформировать нерепрессивную личность, способную адекватно оценивать свое социальное положение и противостоять тоталитарной несправедливости современного капиталистического общества. Представители этого направления большое внимание уделяют анализу различных молодёжных групп и механизмов их существования в структурах буржуазной повседневности, рассматривая конституирование таких групп в качестве сублимации имманентного протеста против господствующей репрессивности [см.: 24; 26]. Более того, авторы *JCEPS* обосновывают свои новаторские подходы в педагогике философской антропологией К. Маркса, приложенной к проблемам повседневности [16; 18].

---

¹ Уже Фрейд осознавал это противоречие между «критической» теорией и «апологетической» терапией психоанализа [см.: 10, с. 257].

Схожие идеи были развиты в работах П. Бурдье, который продемонстрировал роль системы школьного образования в возникновении культурной стратификации и неравенства культурного капитала, неравенства, которое лежит в основе современного господства (культурной гегемонии) класса капиталистов.

Борьба с отчуждением требует радикальных преобразований в системе СМИ, роль которых в формировании общественного сознания постоянно возрастает: через масс-медиа буржуазная идеология «впитывается» (*absorbing*) массовым сознанием не-буржуазных классов и становится их «собственной» идеологией [см.: 19; 21]. Именно в этом отношении можно говорить об обратном влиянии элементов надстройки на бытийные структуры присутствия людей: идеология (в широком смысле) действительно становится *материальной силой* (В. Райх).

Само собой разумеется, эти революционные преобразования в структурах социального праксиса с неизбежностью повлекут за собой изменения в политической системе общества. Отчуждение в политике дано прежде всего в наличии бюрократического аппарата, оторванного от непосредственного бытия людей. Перенос *жизни* в структуры повседневности и «на места» должен означать, что функции государства действительно постепенно будут «отмирать», а взаимоотношения между ассоциированными индивидами и социальными институтами станут *прозрачными*. Все это предполагает сочетание непосредственной и представительной демократии на местах, так как жизнь протекает в непосредственности человеческого присутствия, а не в обезличенных структурах государства. «Государство» же – только инструмент для реализации общественно необходимого праксиса.

В силу того, что капитализм трансцендировал себя в планетарный феномен, преодоление отчуждения сегодня *немыслимо* вне международной практики освободительной борьбы против новых форм господства капитала. Глобализация – естественноисторический процесс, объективная логика мировой истории, но его *содержание* зависит от нашей воли: пойдет ли он в русле американского империализма, стремящегося к насаждению системы нового колониализма, а значит эксплуатации и отчуждения, или – по альтернативному пути преодоления отчуждения. То же относится и к совместным усилиям по преодолению глобальных проблем. И отчуждение, и глобальные проблемы сегодня не могут быть сняты «внутри» отдельно взятой страны, – это задача не США и даже не «объединенной Европы», а всего человечества¹.

---

¹ «Отчуждение» (“Entfremdung”) – это не локальная проблема какой-либо одной страны или ряда стран, которая перестает быть проблемой, как только мы пересечем государственную границу этих стран. Это – всемирно-историческая проблема, практически еще мировой историей не разрешенная» [6, с. 151].

Итак, мы видим, что при сохранении общей логики развертывания отчуждения, в современных условиях глобализационного капитализма отчуждение приобретает все более причудливые и тотальные формы. В силу этого методы упразднения данного социального феномена, предложенные в XIX в. (насильственная революция и экспроприация экспроприаторов), сегодня оказываются радикально недостаточными. Более того, следует признать, что политическая революция, с которой многие до сих пор связывают свои надежды на альтернативный глобальный проект, является всего лишь завершающим этапом более фундаментальной социальной революции, которая незаметно, подспудно протекает в рутинных структурах повседневной жизни. Поэтому следует обратить внимание именно на преобразование этих структур, делая их менее отчужденными. И, как показывает проделанное изыскание, *логика освобождения* от отчуждения должна повторять имманентную логику развертывания самого отчуждения. Только так действительность отчуждения, иногда выступающая в форме *видимости человечности*, превратится в действительность человечности, в человеческую действительность.

Только поняв *что* значит «человечность», протестный праксис может представить действительные контуры альтернативного миропорядка. А для этого понимания надо сосредоточиться не только на критике различных форм отчуждения, но и на разработке *позитивного* проекта общества нового типа, в котором отчуждение будет уничтожено.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Баллаев А.Б.* Читая Маркса: Историко-философские очерки. М.: Праксис, 2004. 288 с.
2. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Из-во Уральского университета, 2000. 125 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 257 с.
4. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ. Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
5. *Грамии А.* Тюремные тетради. Часть первая. М.: Политиздат, 1991. 559 с.
6. *Джеймисон Ф.* Реально существующий марксизм // Логос, 2005. № 3. С. 208-233.
7. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
8. *Маркс К.* Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1961. 907 с.
9. *Маркс К.* Ницета философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. М.: Политиздат, 1955. 609 с.
10. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956. 670 с.
11. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Киев: «Port-Royal», 1995. 310 с.
12. *Мартьянов В.С.* Трансформация языка социально-политических наук: от знания-власти к нарративу // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 7. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. С. 192-203.

12. *Мессароу И.* Вызов нашему времени // *Альтернативы*, 2000. № 2. С. 118-144.
13. *Парцвания В.В.* Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. СПб.: Университетская книга, 2003. 374 с.
14. *Фурс В.Н.* Радикальная социальная теория Жана Бодрийяра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anthropologia.spbu.ru/ru/texts> (проверено 05.03.2008 г.).
15. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. М.: Политиздат, 1955. 652 с.
16. *Au W.* (University of Wisconsin, Madison, USA), редактор журнала «Rethinking Schools», – частное сообщение (февраль 2007).
17. *Baudrillard J.* Pour une critique de l'économie politique du signe. Paris: Galimard, 1972. 268 p.
18. *Beach D.* (University College Boras, Sweden), – частное сообщение (февраль 2007).
19. *Berger A.* Media Analysis Techniques. (Chapter 2 «Marxist Analysis»). Newbury Park; CA: Sage, 1982. 160 p.
20. *Burke E.* Thoughts and Details on Scarcity. L., 1800. 48 p.
21. *Hall S.* The rediscovery of «ideology»: Return of the repressed in media studies // *Culture, Society and the Media*. London: Methuen, 1982. P. 56-90.
22. *Hardt M., Negri A.* Empire. Cambridge: Harvard University Press, 2000.
23. *Hardt M., Negri A.* Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. N.-Y.: Penguin, 2004.
24. *Mallot C.* From Pirates to Punk Rockers: Pedagogies of Insurrection and Revolution: The Unity of Utopia [Электронный ресурс] // *The Journal for Critical Education Policy Studies*, 2006. V. 4. № 2. – Режим доступа: <http://www.jceps.com/index.php?pageID=article&articleID=70> (проверено 10.11.2008 г.).
25. *Vaneigen, R* *The Revolution of Everyday Life*, 1967 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.castexotic.com/revolution.html> (проверено 10.11.2008 г.).
26. *Viola M.* Hip-Hop and Critical Revolutionary Pedagogy: Blue Scholarship to Challenge «The Miseducation of the Filipino» [Электронный ресурс] // *The Journal for Critical Education Policy Studies*, 2006. V. 4. № 2. – Режим доступа: <http://www.jceps.com/index.php?pageID=article&articleID=71> (проверено 10.11.2008 г.).

RESUME

Konstantin Nikolaevich Lubutin, Doctor of philosophy, full professor, principal researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 358-18-19, enia@uralmail.com.

Pyotr Nikolaevich Kondrashov, Candidate of philosophy, assistant professor, Verkhnya Salda Aviation-metallurgical College. Verkhnya Salda, (34345) 47-748, evgeniy.kondrashov@vsmmpo.ru.

The Logic of Alienation and the Logic of Emancipation

The article observes different forms of subjective, social and existential alienation in modern capitalist society based upon private property, and possible means of overcoming and transcending those forms of alienation.

Alienation, private property, reification, commodity and virtual fetishism, illusion, transcendence of alienation.

Материал поступил в редколлегию 26.12.2007 г.